

АВТОР И ПОЭЗИЯ

И.Н. Сиземская

ФИЛОСОФСКИЕ СМЫСЛЫ ПОЭЗИИ

М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация. В статье поэзия Лермонтова рассматривается под углом зрения стоящих за поэтическими образами философских смыслов, многие из которых остаются загадкой и сегодня. Обращая внимание на факт, что споры о последних продолжаются и сегодня, автор показывает многоплановость поэтического наследия поэта, выявляя его уникальную особенность – неотвратимую силу влияния метафизических идей о жизни и смерти, о свободе и необходимости, о духовном и телесном, о возвышенном и низменном, о божественном и человеческом. Исходная установка авторского анализа – вся поэзия Лермонтова окрашена романтическим восприятием мира, давшим отечественной культуре свой вариант романтического персонализма.

Автор прослеживает, как в творчестве поэта через поэтические образы воспроизводятся состояния мечущейся человеческой души между совершенным и порочным, между добром и злом в поисках согласия не только с самим собой, но и с Небом. Сквозной проблемой поэтического наследия Лермонтова, считает автор, является антитеза земли и неба как двух полярных стихий человеческого бытия.

В статье показано, что с Лермонтова в отечественной духовной культуре утверждается новое понимание божественного, в котором полюса Бога и человека сближаются в сфере богочеловеческого, что признанием этого нового измерения мира поэт ликвидирует фатальность раскола между Демоном и Богом как между ересью и истиной, вводя поэзию в новое смысловое пространство. Лермонтовым, считает автор, впервые в отечественной духовной культуре была сделана попытка для перевода божественного из «потустороннего» в «посюстороннее». Через образ Демона, определившего эмоциональный настрой и вектор смысловых поисков всей поэзии Лермонтова, решается вопрос, возможна ли гармония, согласие во взаимоотношениях небесного и земного. Глубинный смысл демоновских исканий, приходит к выводу автор, метафизичен: он направлен не против конкретных коллизий, а против «коренной неправды земного бытия», которую поэт и его герой связали с оправданным Богом ограничением свободы для личностного самовыражения. В основе этих исканий мятеж индивидуальности, требующей права на личный выбор способа и образа жизни, на счастье и любовь.

Ключевые слова: философская поэзия, Лермонтов, лирический персонализм, свобода, рок, Бог, Демон, антитеза «земля и небо», потустороннее, посюстороннее, добро, зло, богочеловеческое.

Лермонтов и Пушкин – образы «предустановленные», загадка русской жизни и литературы.

(А. Блок)

Для жизни каждого поколения важно, чтобы культурное прошлое, вытесняемое новой повседневностью, оставалось понимаемым, эмоционально близким, помогающим разобраться в своём времени и в собственной культурной идентичности. Ибо культурное наследие всегда выражает значимые общечеловеческие смыслы, за которыми стоят определённые типы социального поведения и

способы включения человека в социальную реальность. Ведь, сфера духа и социальные формы жизни взаимосвязаны, хотя и не по формуле причинно-следственной зависимости. В наши дни, при столь стремительном, взрывном беге истории, который оборачивается трагическим порой «разрывом связи времён» это становится особенно очевидным. Юбилейная дата М.Ю. Лермонтова обращает нас к непреходящим ценностям и смыслам отечественной культуры её Золотого Века, позволяет окунуться в ту культурную атмосферу, которая ушла в далёкое прошлое – увы!, и ещё раз с благодарностью вспомнить её великого сына.

Поэзия Лермонтова – знаковая веха отечественной культуры

Да, очевидно, что Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества.

(В.Г. Белинский)

Поэтическое творчество Лермонтова настолько инновационно, а его наследие столь сложно и многопланово – тут всё, и небо, и земля, и рай, и ад – что споры о нём, начатые после смерти поэта продолжают и сегодня¹. Конечно, спорили и спорят не о историко-литературном значении лермонтовского наследия, не о роли поэта в развитии отечественной культуры и его влиянии на всё её последующее развитие – нет, эти оценки бесспорны. Спор продолжается о глубинных, философских смыслах его поэзии, многие из которых остаются загадкой и сегодня.

В сущности каждый истинный поэт – философ, потому что философично само поэтическое созерцание. Напомню в этой связи слова, сказанные Вл. Соловьёвым. «Художественному чувству, – писал Вл. Соловьёв, – непосредственно открывается в форме осязательной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления, а нравственной деятельности даёт о себе знать как безусловное требование совести и долга. Это только различные стороны или сферы одного и того же. Между ними нельзя провести разделения, и ещё менее могут они противоречить друг другу»². Между поэтом и философом существует органическое духовное родство, а поэзия

и философия, как заметил С.Л. Франк, оказываются связанными глубоко и интимно, ибо оба рода творчества исходят из одного источника, разветвлениями которого они являются. Поэтому ни содержание чувственного восприятия, ни содержание рационального мышления сами по себе не открывают подступов к пониманию Бытия, поскольку замкнуты лишь на одну из сторон осознания мира. Гарантией адекватности, истинности постижения сути и тайн последнего является по возможности более многостороннее включение его во внутренний духовный (познавательный и эмоциональный) опыт человека. Поэзия как сфера интуитивных предпочтений и символических образов в таком осознании реальности играет особую роль. Ведь, для неё

*... в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота.*

(А.К. Толстой)

Поэт живёт как бы на грани двойного бытия, соединяя в своём творчестве два ряда значений-образов – земного, эмпирически реального мира и мира духовного, мистически-идеального. Он удивительным образом способен «видеть бездну и слышать молчание» и потому ему всегда есть что сказать, «шепнув о том, пред чем язык немеет». – «Не в отмену логике, а в наполнение её живой предметностью; не в поспориение факта и закона, а в *узрение целостного предмета*, скрытого за ними»³. Возможности разума усиливаются способностями чувства охватить мир во всём его многообразии.

Конечно, сила воздействия поэзии зависит прежде всего от того, насколько поэт может очаровать нас лирическим настроением и музыкой стиха – и в этом у Лермонтова нет до сих пор равных. Но его поэзии свойственна ещё одна уникальная особенность – неотвратимая сила влияния скрытых и явных смыслов его поэтических образов. За предметами его поэтического вдохновения всегда стоят волнующие человека «от века» *метафизические* идеи – о жизни и смерти, о свободе и необходимости, о бесконечности мира в пространстве и его конечности в конкретно-предметных проявлениях, о духовном и телесном, о возвышенном и низменном, о божественном и человеческом. Иными словами, творчество Лермонтова тысячами нитей связано с глубоким, философским осознанием мира.

¹ Подтверждением этого может быть культурологическое исследование: Давыдов А.П. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX-XX-XXI вв. М.-Алматы, 2006. Второе, дополненное издание исследования включено в книгу этого же автора «Неполитический либерализм». М., 2012. Анализ влияния творческого наследия Лермонтова, заложенных в нём философских смыслов бытия на русскую литературу доводится автором до «лермонтовского ренессанса в XX-XXI веке», с которым Давыдов связывает утверждение в отечественной культуре самокритичного и одновременно конструктивного, нацеленного на развитие способов осмысления реальности в культурном творчестве. См. также подготовленную к юбилею антологию: М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013.

² Соловьёв Вл. Ф.И. Тютчев // Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 287.

³ Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Русская идея. М., 1922. С. 442.

Следует заметить, что эта черта выражает сущностную особенность всей отечественной духовной культуры. Философичность литературно-поэтического, творчества была присуща ему изначально, равно как философское мышление в свою очередь чаще всего дополнялось художественным восприятием мира. В.В. Зеньковский, называвший художественное творчество эмоциональным мышлением, писал: «В неразрывности теории и практики, отвлечённой мысли и жизни, иначе говоря, в идеале «целостности» заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли»⁴. Можно сказать, что взаимная дополняемость художественного и философского способов осмысления мира есть своеобразный *генетический код отечественной культуры*⁵. А если говорить о поэзии, то именно она в периоды своего расцвета выговаривала на своём языке более, чем могла сказать в России философия, подтверждая, что «поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли» (Чернышевский), что у неё есть собственная метафизика, что художественные интуиции полны философского содержания, а художественные образы могут быть символами, «продвигающими» ум к постижению глубин мироздания. Такая поэзия по праву может быть названа *философской поэзией*. Приумножая силу воображения силой мышления она превращает поэта в *пророка*, устами которого «пропекают» свою сущность космос, природа, человеческое Я. Именно таковой была поэзия Лермонтова.

В России философская поэзия своими истоками уходит в 20-е годы XIX в поэтические опыты-искания Любомудров (В.Д. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков), провозгласивших связь поэзии и фи-

лософии в качестве эстетического кредо, в поэзию раннего Ф.И. Тютчева, Е.А. Боратынского. Боратынский занимал особое место в плеяде этих молодых поэтов. По оценке В.Г. Белинского он по натуре своей призван был стать «поэтом мысли». За его поэтическими образами («Истина», «Череп», «Смерть», «Мой дар убог и голос мой не громок») всегда стояли мысли об основах мироздания и откровениях человеческой души. Пушкин еще в 1831 году писал: «Боратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко»⁶.

Но если Любомудры и Боратынский *прозревали* новый поэтический путь, соединявший поэзию сердца с поэзией мысли, то Лермонтов *вступил* на него и не свернул с него до конца жизни. «Поэзия Лермонтова, – писал известный историк и литературный критик П.В. Бицилли, – насыщена элементом, почитаемым принадлежностью прозы, – интеллектуализмом. Это поэзия человека, которому мало чувствовать, созерцать, переживать, который желает понимать, объяснять, определять»⁷. При этом желание «понимать, объяснять, определять» у Лермонтова окрашено романтическим восприятием мира. – Такая гармония гасю и чувства, души и интеллекта, далеко не всеми поэтами достигаемая, у Лермонтова была даром Божиим, который он ощущал в себе с самого юного возраста как «*отблеск чудесного огня*». Именно благодаря ей поэт подарил отечественной культуре свой вариант *романтического персонализма*, утверждавшего, что смысл жизни в существовании, движимом поисками не только согласия с самим собой, но с Небом и Землёй, ибо человеку, чтоб обрести себя как личность, нужен *весь мир*. Романтический персонализм Лермонтова, по оценке В.В. Зеньковского, это *гимн существованию*, переходящий в *философский экзистенциализм*.

До Лермонтова романтизм не был укоренён в отечественной культуре, для этого у него не было достаточных исторических и духовных предпосылок. Дух византизма подавлял любое страстное

⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 163. Такого же мнения придерживался И.А. Ильин, писавший, что русская поэзия выговаривала своим вдохновенным языком то, что у других народов давно уже стало достоянием прозы и публицистики». Можно привести высказывание на эту тему и С.Л. Франк: «Глубочайшие и наиболее значительные идеи, – отмечал Франк, – были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных. Наша проникновенная, прекрасная литература, как известно, – одна из самых глубоких, философски постигающих жизнь: помимо таких общеизвестных имён как Достоевский и Толстой, достаточно вспомнить Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя». (Франк С.Л. Русское мировоззрение. М., 1996. С. 163).

⁵ См.: Сиземская И.Н. «Сущее не делится на разум без остатка»: отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижения бытия // Философия и культура. 2014. № 2 (74). С. 162-172.

⁶ Цит. по: Поэзия как жанр русской философии. Антология / Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФ РАН, 2007. С. 91.

⁷ Бицилли П.В. // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013. С. 847.

влечение души, подвергая его суду послушания и смирения. Лермонтов, хорошо это чувствовавший, предупреждал:

*Нет, я не Байрон, я другой
Ещё неведомый избранник;
Как он гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*
(«Нет, я не Байрон...», 1832).

Особенностью лермонтовской лирики стала наполненность теми смутными переживаниями, «сумерками души», которые связаны с безотчётной, порой иррациональной, потребностью вкусить сладость бытия и в греховном, и в священном, «добру и злу внимая равнодушно». Примечательно в этой связи замечание Д.С. Мережковского о том, что Пушкин – это дневное, а Лермонтов – ночное светило русской поэзии. Близок к оценке Мережковского был и Вяч. Иванов, писавший, что Лермонтов – «единственный настоящий романтик среди русских писателей и поэтов прошлого века; этим отличается от того, кого чтит своим высшим солнцем и движущей силой, от Пушкина»⁸. Того же мнения придерживался В.В. Зеньковский: «бесспорная гениальность Лермонтова, возглавителя плеяды русских лириков, – писал он, – намечает путь русского романтизма, который, правда, увел русскую душу от той духовной трезвости и духовной ясности, которая так свойственна была Пушкину, но в то же время затронул силы души, дремавшие в ней до того. Русский романтизм своим своеобразием имеет вообще двух возглавителей – Гоголя в прозе и Лермонтова в поэзии»⁹.

Сущностная черта лермонтовской лирики – тонкий психологизм: поэт обладал удивительной способностью одухотворять образы своего внутреннего мира. Ещё в 15 лет он сказал: «В уме своём я создал мир иной и образов иных существо-

вань». Но главное, этот созданный им мир, став предметом переживаний, предстаёт в его поэзии как зримая, осязаемая реальность. Через описание состояний мечущейся человеческой души (любовь, месть, стремление к свободе, поиски выбора между совершенным и порочным) поэт заставил поверить в реальность связи-зависимости *потустороннего*, т.е. небесного, и *посюстороннего*, т.е. земного. Более того, первое (далёкое) часто оказывается эмоционально ближе и видится отчётливее и ярче. Постоянная обращённость внутрь себя в этом смысловом контексте, думаю, выводит лермонтовскую поэзию за рамки своего времени, приближая поэта к Серебряному веку отечественной культуры. Мотивы его поэзии явственно зазвучат позже у А. Блока и М. Цветаевой, чувствовавших своё духовное родство с поэтом.

Антитеза земли и неба

*Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего тёмная даль, -
Мы блаженство желаем вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.*
(М.Ю. Лермонтов)

Сквозная философская идея творчества Лермонтова связана с темой *дуальности земли и неба как двух полярных стихий человеческого бытия*. Их антитеза (и возможный союз) – это главная тема, волнующая поэта, терзающая его душу той рефлексией, которая рождала ощущение «далёкости» и от неба, и от земли. «Я меж людей беспечный странник, для мира и небес чужой» – скажет он, когда ему будет всего 16 лет. Опуская вопрос о том, носила эта тема у поэта мистический характер, как это утверждал, например, Мережковский¹⁰, или еретически-нищенский, как оценил её В. Соловьёв¹¹, отмечу, что проблема земли и неба, включённая в чарующую стихотворную ткань, *унициировала философские размышления* о тайне и сути человеческой жизни. А стоящие за ней духовно-нравственные смыслы были восприняты современниками в качестве основания мировоззрения, предполагающего

⁸ Вяч. Иванов. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013. С. 865. Ещё раньше, в 1916 году, в статье «Байрон как событие в жизни русского духа» Вяч. Иванов писал, что в душе Лермонтова брезжил русский ответ на прозвучавшую в поэзии Байрона «весть об извечном праве и власти человеческой личности на свободное самоопределение перед людьми и Божеством». (Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 292).

⁹ Зеньковский В.В. М.Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013. С. 944.

¹⁰ См.: Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013.

¹¹ См.: Соловьёв Вл. Лермонтов // Там же.

новое осознание взаимоотношений человека с земным миром и с Богом.

Это мировоззрение не было ни традиционно-светским, ни догматически-религиозным. Продолжая идеи западного Ренессанса, Реформации и Просвещения, оно открывало новое смысловое пространство, предложив «переход от оправдания Бога к оправданию рефлексии человека, его любви, творчества, способа веры, <...> поворот ценностного вектора с небес на землю. В земное, богочеловеческое, в повседневное, в личное»¹². Это мировоззрение предлагало такое осознание взаимоотношений человека с Богом, в котором полюса Бога и человека тяготеют к сближению. Не будучи ни традиционно-светским, ни догматически-религиозным, оно породило утвердившуюся позже в отечественной духовной культуре форму так называемого *секулярного христианства*, ищущего истину бытия в том числе в земных ценностях и пытавшегося преодолеть этическую ограниченность как религиозности, так и атеизма. С ним связан последовавший позже поворот отечественной духовной культуры, прежде всего философии, в сторону *богочеловеческого*. Тем самым был найдено нравственное основание для перевода божественного из потустороннего в посюстороннее. Как справедливо отмечает А.П. Давыдов, начиная с Лермонтова «возникло новое понимание божественного, которое стало конкурировать с традиционным его пониманием на равных правах. Такого ясного изменения сущности божественного в российской рефлексии до Лермонтова не было»¹³.

Зенитом «пересечения» небесного и земного у поэта стал образ Демона. Демон входит в поэзию не одного Лермонтова, но у поэта *свой* Демон. В первых, он, как бог и ангелы, постоянный его спутник. А главное, он решает проблему, которая мучает самого Лермонтова: может ли человек, проходя свой земной путь, жить в союзе с Небом, т.е. возможна ли гармония в отношениях небесного и земного? Во-вторых, история Демона – это по сути *собственная исповедь поэта*¹⁴. Ещё в 16-летнем возрасте, ра-

ботая над первыми набросками поэмы «Демон», он с пылкостью и максимализмом, свойственным юности, скажет:

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.
(«Мой Демон», 1831).*

А чуть позже, по окончании работы над второй редакцией поэмы, в своеобразном послесловии к ней, Лермонтов, окончательно связывая свой внутренний мир с этим образом, напишет:

*Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой.
Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.
(«Я не для ангелов и рая ...», 1831).*

В одном из самых философичных стихотворений юности «1831-го Июля 11 дня», безжалостно и мистически-пророчески препарировав свои «боренье дум» и «таинственные сны души», он признается:

*Есть время – леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чём.*

В такие минуты возникает образ, в котором соединение небесного с земным, божественного с греховным, рождает мучительную «жажду бытия», страстное желание «всё знать, всё чувствовать, всё видеть», *рождает поэтическое вдохновение*. Таким образом, спутником вдохновения, становится для поэта Демон, царь познания и свободы, враг небес и зло природы. Обращение к образу Демона определяет особый эмоционально-психологический на-

человека, а её первым правилом должно быть: живи, как пишешь, и пиши, как живёшь. По свидетельству А. Шан-Гирея книга Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» была настольной книгой юного Лермонтова.

¹² Давыдов Алексей. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX-XX-XXI вв. М.-Алма-Аты, 2006. С. 213.

¹³ Там же. С. 254.

¹⁴ Впрочем, «исповедален» не только образ Демона, исповедальна вся поэзия поэта. Он с первых самостоятельных стихотворений неукоснительно следовал усвоенному требованию К.Н. Батюшкова, писавшего, что «поэзия требует всего

строй всей лермонтовской поэзии. Он потребует, чтобы внешняя логика поступков героя *маскировала* эмоции, душевные переживания и действительные мотивы его поведения. Вот почему усилия поэта всегда будут направлены на фиксацию расхождения видимости, внешнего, и внутреннего, глубинного, сокрытого для чужого взора, в человеке. В. Грехнев, первый, отметивший эту особенность творчества поэта, писал: «Лермонтовское психологическое описание, если и не разрывает окончательно связи поступка и переживания, то, во всяком случае, показывает непрямолинейность этих связей, допуская двойственность истолкования одних и тех же фактов и зависимость их восприятия от позиции воспринимающего субъекта»¹⁵. Образ Демона, явно или скрыто, всегда будет присутствовать в поэзии Лермонтова как передающий мироощущение человеческой души, мечущейся между священным и греховным, *ведомой по жизненному пути одновременно и Богом, и Дьяволом*. – «Лишь в человеке встретиться могло священное с порочным». Может поэтому поэзия Лермонтова была близка и эстетам (Бальмонт, Игорь Северянин), и мистикам (Мережковский), и революционно настроенным «общественникам» (Горький), и уже более 150 лет завораживает не одно поколение читателей?

Демона, этого в прошлом небожителя, поэт не случайно наделил душой человека: это было его интерпретации антитезы земли и неба в направлении их возможного сближения, смягчения исходного «противостояния». Тому же замыслу служит и идея возможного возрождения Демона через любовь к Тамаре (сюжет первых двух очерков – 1829 и 1830 гг.), которое не столько отдаляет его от Неба, сколько приближает к Земле. Для Демона земная жизнь, «где преступленья лишь да казни, где страсти мелкой только жить, где не умеют без боязни ни ненавидеть, ни любить», как он думал прежде, представляется вдруг желанной обителью успокоения. Он страстно клянётся Тамаре:

*Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от старых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничем уж не тревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.*

¹⁵ Цит. по: Марченко А.М. Лермонтов: под гибельной звездой. М., 2014. С. 339.

А его, не знающая в поэзии аналогов *«Песнь песней»* -

*Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня...! –*

есть гимн земному, человеческому чувству. Иными словами, в образе Демона очевидно просматривается вектор исканий не от «сего мира к тому», а обратно, «оттуда – сюда» как ведущий к земной жизни, где только и оказывается возможными счастье и любовь как условие *полноты бытия*.

О своём отношении «к звукам небес и песням земли» поэт скажет так:

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка:*

*Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастья я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога.*

(«Когда волнуется желтеющая нива...», 1837).

В этом признании самоценности земного бытия звучит надежда поэта на возможность разрешения мучительного раздвоения души между потусторонним и посюсторонним, между небесным и земным. (По сути Лермонтовым предложен свой, отличный от теологического, вариант толкования теодицеи). Эта надежда вселяется и в Демона, – но только *на миг*. Потому что одновременно к нему приходит понимание: Бог и человек – это два Абсолюта, *свободные внутри единства*. Поэтому и противостояние Богу, и согласие с ним, не имеет примиряющего исхода. Любой выбор равносильен покусению на внутреннюю свободу. Душа может найти успокоение *лишь между* этими двумя крайностями, где-то в условной «середине». Таковой в поэме предстаёт сфера *богочеловеческого* как выражающая двуединую тягу, устремление, человека и к небу, и к земле. Признанием этого нового измерения мира Лермонтов ликвидирует фатальность раскола между Демоном и Богом как между ересью и истиной.

Правда, для его героя осознание этого факта становится причиной глубокой трагедии: ценностно-смысловое уравнивание «с небом гордой вражды» и готовности отдаться земному чувству вносило в душу Демона тот диссонанс, которой для него, бессмертного, был равносильна смерти, поскольку разрушал образ, в котором он жил до сих пор. И

Демон в итоге остаётся прежним Демоном – «для мира и небес чужой», но, если принять символику Врубеля, со сломанным крылом, *Демоном Поверженным*. Поверженным не Богом, и не силой земного чувства, а грузом неведомой ему ранее экзистенциальной проблемы: как остаться самим собой, т.е. свободным, отдавшись движению души на встречу земному чувству. Проблема оказалась для него неразрешимой.

Но пережитый счастливый миг любви изменил его внутреннее состояние: в нём навсегда поселилась печаль-тоска уже не только по небесному, как бывшему, а и по земному как несбывшемуся, но возможному. Он перестал быть *только* Духом изгнания, только воплощением «сумерек души». Для него приоткрылся мир новых, неведомых ему ранее жизненных смыслов, мир, наполненный воспоминаниями о пережитой земной страсти, воспоминаниями, когда он мог признаться Тамаре (и в это сам поверить):

*Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!*

Бесспорно глубинный смысл демоновских исканий аутентичен мятежной душе поэта. Это мятеж индивидуальности, требующей права на личный способ и образ жизни, на счастье и любовь. Но суть протеста *метафизична*: он направлен не против конкретных коллизий, а против «*коренной неправды бытия*», которую и поэт, и его герой связывали с *оправданным Богом ограничением свободы для личностного самовыражения человека*. Это мятеж индивидуальности, жаждущей свободы в её позитивном модусе «для». Этот протест, преломлённый Лермонтовым через «магический кристалл» поэтического образа, спустя некоторое время станет ве-

дущим для отечественной литературы (Катерина, Анна Каренина, герои Достоевского, Буревестник Горького). Но у Лермонтова с ним связано, как заметил Зеньковский, самое драгоценное и яркое в его поэтическом творчестве. Смысл протеста не в ницшеанстве и не в богоборчестве, а именно «в самоутверждении личности, в её законной потребности само-проявления»¹⁶. Конечно, таков вечный мотив любого вида романтического персонализма, но у Лермонтова он окрашен накалом страстей страдающей человеческой души, мучительно ищущей согласия между ценностными смыслами потустороннего и посюстороннего бытия. Победённый Демон проклял свои безумные мечты, но смысл его протеста и всей «демониады» ещё явственнее развернулся к идее бунта против жёсткого разведения добра и зла, небесного и земного, праведного и греховного, – бунта, осмысление которого Лермонтов первый поднял *на уровень философской рефлексии*, обозначившей переход в российском общественном сознании к философско-критическому переосмыслению утвердившихся в национальном духовном опыте нравственных оценок. Это сделало его творчество, как в своё время заметил П.Н. Сакулин, *значимым социальным фактом*.

В заключение приведу слова В.Г.Белинского, сказанные им о поэзии начинающего свой творческий путь Лермонтова: «Его поприще ещё только начато, и уже как много им сделано, какое неистощимое богатство элементов обнаружено им: чего же ожидать от него в будущем?.. Пока ещё не назовём мы его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным и не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет – Лермонтов»¹⁷. И это, пожалуй, главное, что и сегодня можно сказать о самом загадочном русском поэте XIX века.

Список литературы:

1. Андреевский С.А. Литературные течения. Баратынский, Достоевский, Гаршин, Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой. СПб., 1891.
2. Бицилли П. Этюды о русской поэзии. Прага, 1925.
3. Давыдов Алексей. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX-XX-XXI вв. М.-Алма-Аты, 2006.

¹⁶ Зеньковский В.В. М.Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013. С. 940.

¹⁷ Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова <Фрагменты> // Там же. С. 147.

4. Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993.
5. Лермонтов М.Ю. Поэмы и повести в стихах. 1828-1841 // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 2. М., 1976.
6. Лермонтов М.Ю. Стихотворения 1828-1841 // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 1. М., 1975.
7. М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Т. 1. СПб., 2013.
8. Марченко А. Лермонтов под губельной звездой. М., 2014.
9. Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991.
10. Поэзия как жанр русской философии. Антология / Сост., автор вступ. очерка И.Н. Сиземская. М., 2007.
11. Сиземская И.Н. «Сущее не делится на разум без остатка»: отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижения мира // Философия и культура. 2014. № 2(74). С. 162-172.
12. Сиземская И.Н. Русская философия: согласие ума и сердца // Вопросы философии. 2006. № 3.
13. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
14. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.В. Никольского, П.П. Перцова и Вл. Соловьёва / Сост. П. Перцов. СПб., 1896.
15. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

References (transliteration):

1. Andreevskii S.A. Literaturnye techeniya. Baratynskii, Dostoevskii, Garshin, Nekrasov, Lermontov, Lev Tolstoi. SPb., 1891.
2. Bitsilli P. Etyudy o russkoi poezii. Praga, 1925.
3. Davydov Aleksei. Poverit' Lermontovu. Lichnost' i sotsial'naya patologiya v Rossii. XIX-XX-XXI vv. M.-Alma-Aty, 2006.
4. Il'in I.A. Odnokii khudozhnik. Stat'i. Rechi. Lektsii. M., 1993.
5. Lermontov M.Yu. Poemy i povesti v stikhakh. 1828-1841 // Lermontov M.Yu. Sobr. soch.: V 4-kh tt. T. 2. M., 1976.
6. Lermontov M.Yu. Stikhotvoreniya 1828-1841 // Lermontov M.Yu. Sobr. soch.: V 4-kh tt. T. 1. M., 1975.
7. M.Yu. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i ideino-khudozhestvennoe nasledie M.Yu. Lermontova v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei i myslitelei. Antologiya. T. 1. SPb., 2013.
8. Marchenko A. Lermontov pod gibel'noi zvezdoi. M., 2014.
9. Merezhkovskii D.S. V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let. M., 1991.
10. Poeziya kak zhanr russkoi filosofii. Antologiya / Sost., avtor vstup. ocherka I.N. Sizemskaya. M., 2007.
11. Sizemskaya I.N. «Sushchee ne delitsya na razum bez ostatka»: otechestvennaya filosofskaya mysl' o ponyatiino-khudozhestvennom sposobе postizheniya mira // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2(74). S. 162-172.
12. Sizemskaya I.N. Russkaya filosofiya: soglasie uma i serdtsa // Voprosy filosofii. 2006. № 3.
13. Solov'ev V.S. Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika. M., 1990.
14. Filosofskie techeniya russkoi poezii. Izbrannye stikhotvoreniya i kriticheskie stat'i S.A. Andreevskogo, D.S. Merezhkovskogo, B.V. Nikol'skogo, P.P. Pertsova i Vl. Solov'eva / Sost. P. Pertsov. SPb., 1896.
15. Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie. SPb., 1996.